

Валентин Дмитриевич БЕРЕСТОВ в особых представлениях не нуждается. На его книжках выросло не одно поколение читателей, бывших когда-то, как полагаются, детьми, и детей их, и уже детей их детей.

Но, помимо писательства, Валентин Дмитриевич известен еще и как чудесный, умный рассказчик, чему свидетельством, в частности, его выступления на радио, телевидении, и редким этим его даром рассказчика с большим удовольствием воспользовались и мы. Говорили мы с Валентином Дмитриевичем о разном и всяком, и задали, в числе прочего, три вопроса, о которых речь ниже.

«Дорогой Морис Карем...»

— Валентин Дмитриевич, существует некая давняя дилемма. Мы привычно проанализируем «детскую литературу», «детский писатель», но простые, казалось бы, вопросы, что есть детская литература и какой писатель — детский, вызывают бесконечные споры...

— Хотите я расскажу вам, как я познакомился с Морисом Каремом? Это было давно и было так.

Началась хрущевская оттепель, в «Новом мире», еще симоновском, появились обзоры зарубежных журналов, Никита Разговоров написал о поэте Морисе Кареме и привел подстрочник его стихов: мало одного яблока, чтобы наполнить корзину, мало одной яблони, чтобы зашумел сад, но достаточно одно яблоко разделить пополам, чтобы доброта осуществилась полностью. Я подумал, что обязательно должен разыскать этого человека. И вот как-то прочел, что за рубежом состоится поэтический фестиваль и что туда поедет Михалков. Я прибежал к Михалкову. Он сказал: «А, Морис Карем! Очень симпатичный старичок, он переводит мои басни». Я спрашиваю: «Книжечек он вам своих не дарил?» — «Как не дарил — дарил! Но я понимаю по-немецки, а по-французски не понимаю». — «Зато я понимаю!» — «Ты?!»

И вот я стал потихоньку переводить Мориса Карема. А потом... Потом было так.

Я уже много его перевел, так просто, для своего удовольствия. Он мне как-то удивительно близок, и в его стихах словно бы модель другой жизни, более обеспеченной, более свободной. И не поймешь, не скажешь сразу, какие его стихи — детские, какие — взрослые.

И вот как-то у покойного Кости Богатырева я познакомился с бельгийкой Николь. Как водится, танцевали, разговаривали — она прекрасно говорит по-русски, — и я говорю: какой у вас прекрасный поэт — Морис Карем! «Морис? Милый старичок. Он живет напротив меня». Я говорю: какой «милый старичок»? Это великий поэт. «Морис — великий поэт?» Я тут же прочел ей два своих перевода, и она сказала: «Валентин, вы — великий поэт». По счастью, я помнил одно стихотворение по-французски и прочел его. Она сказала: «Да, действительно, вы не улучшили его своим переводом, перевод в лучшем случае близок к оригиналу, но это удивительно, это чудо, что я здесь открываю, кто мой сосед».

Потом Карем мне прислал целую библиотеку своих книг. Я написал ему письмо, что-то вроде «дорогой Карем, я очень люблю ваши стихи для детей» и получил очень вежливый и очень сердитый ответ, что-де он никогда не пишет для детей, а пишет вообще только то, что ему хочется писать, а если его стихи нравятся еще и детям, ему это очень приятно.

Вот вам и ответ, что есть детская литература. Вообще же я сторонник такой классической, прозрачной, народной поэзии, которая уходит и к детям. Ведь «Белеет парус одинокий» — это, в сущности, стихи для детей, как бы — и для детей. Если бы их написать сейчас, их бы напечатали в «Пионере» и даже в «Мурзилке». Я же только в юности был авангардистом, а потом резко переменялся — побывав в экс-

педиции, на раскопках, — и с тех пор люблю стихи, которые по своей прозрачности годятся и для детей, и для взрослых. Карем — мой идеал такого рода поэзии.

А вот стихи для самых маленьких — их приходится писать особым образом. Чуковский, когда я подарил ему свою книжечку, изданную редакцией с пометкой «для младших школьников», поставил мне отметки по пятибалльной системе и насажал троек, даже двоек. Пятерок было совсем мало. Я сказал: «Корней Иванович, в чем дело? Вы без конца требовали, чтобы вот эти стихи я читал вашим гостям». — «Да, хорошие стихи, сказал Корней Иванович, но они не детские». — «Как не детские? Когда я читаю их ребятам третьих-четвертых классов, как они слушают, как они смотрят, как хлопают!» Чуковский задумался, видимо, раньше ему не приходила эта мысль в голову: «Значит, детскими я считаю только стихи для возраста от двух до пяти».

Писатель непременно должен быть счастливым

Вот для этого возраста требуется особое вдохновение, особое состояние души. И нужно осуществлять все 13 заповедей Чуковского и даже 14-ю: писатель, пишущий для самых маленьких, непременно должен быть счастливым, счастливым, как и те, для кого он пишет. Вот когда себя до такого состояния счастья разными способами доведешь, получают стихи. Какими способами? Ну, конечно, лучше всего пообщаться с ними, с ребятами. Или что-то вспомнить, набросать о собственном детстве. Есть музыка, которая в это втягивает — Вивальди, например, народные песни. Сейчас я в «Мурзилке» печатаю очень интересную подборку из Далия, совершенно неожиданную. Вот такое:

Ночь-то темна,
Лошадь-то черна,
Еду-еду, да поцупаю —
Тут ли она.

И еще сборники пословиц почитать, поговорок, фольклорные сборники.

А все остальное, что не для самых маленьких, — это лирика, и она может печататься просто в сборниках лирики. Это обычно стихи о детстве. Детям они тоже нравятся, тем, кому после шести, семи...

«Когда б вы знали, из какого сора...»

— Как вы думаете, Валентин Дмитриевич, комиксы, на манер западных, приживутся у нас? А новые, впрочем, не новые — уже и привычные — тем же вроде звездных войн — это надолго, навсегда или так, мода, которая пришла, которая пройдет?

— А как вы думаете, чем объясняется успех Успенского? Я думал, думал, думал. Ну, кроме того, что он способен создать персонаж — Чебурашку, кота Матроскина, — который становится типом и может выйти из книжки, что уже очень высоко его ставит, — что еще? А то, что он идет навстречу детям. Дети в определенном возрасте любят страшилки — он дает им страшилки. Но при этом обгораживает их, ведь страшилки бывают просто ужасны по своей примитивности.

Или вот он рассказал мне такую историю.

Ему нужен был самый доподлинный детский фольклор, не тот, что у ребят от двух до пяти, а постарше. Что рассказывают друг другу десяти-двенадцатилетние?..

И вот он едет выступать в пионерский лагерь, едет в великолепной машине — а вид у него при этом простецкий, — выходит из машины, прохаживается, разминая ноги и потирая руки. «Вы кто, дядя?» — спрашивают ребята. «А я водитель, я вам генерала привез. Он потом перед вами выступит, а пока у нас с вами есть часок. Хотите машину посмотреть?» И начинает их расспрашивать, между делом. Их, десятилетних, фольклор неприличен, вертится, в основном, вокруг естественных отплевываний, каких-то словечек и чего-то «такого». В общем, с точки зрения взрослого человека, этот фольклор ужасен, но Успенского это не пугает. Он считает, что его надо облагородить и,

раз у детей есть потребность в нем, им это надо дать, но дать в прекрасном, благородном виде.

А вот пример из моей жизни. У нас есть на радио передача «В нашу гавань заходили корабли», которая сначала задумывалась как детская. И я написал по просьбе Успенского для передачи песню... про Мурку, знаете, на мотив всем известной песни — там своя Мурка, а у меня — своя. И думал я так: дети все равно поют эту блатную песню, но ведь Мурка — это кошка? Почему бы мне не написать про кошку? И написал...

Или вот у меня сказка, может быть, вы ее знаете, «Как найти дорожку к дедушке в сторожку». Из чего она родилась? А родилась она из весьма примитивного анекдота, как пройти на такую-то улицу. В анекдоте пьяница объясняет так, как пьянице объяснять положено. А если детям, подумал я, искать дорожку, как объяснить?..

Вообще же то, о чем вы спрашиваете, чрезвычайно важно. Надо, действительно, исследовать, в это надо вникнуть, почему детям нравятся, например, американские мультфильмы. Надо ли им прямо подражать, создавать похожие фильмы на нашей почве или попробовать сделать какие-то другие, но учитывая особенности детской психологии. Развитие ребенка, дошкольного, повторяет путь развития вообще человечества, первобытного. Эти пути совпадают, у них общее мифологическое мышление, одни представления о перспективе. В каком-то возрасте дети очень любят сражения, в каком-то — рисовать сцены охоты, причем жуткие, как в эпоху неолита, с поеданием животными друг друга. Сейчас зверей сменили машины, машины заменяются роботами, космическими кораблями и чудовищами. И ничего страшного. Ваш покорный слуга тоже написал книжку про машину, но так и затем, чтобы ее — облагородить. Вот, ребята, если хотите, вам робот. Хотя на самом деле это книжка о любви. Нежная такая. Но неплохо бы, конечно, не забывать и про людей...

Писал ли Дидро неплохие «романтики»?

— Валентин Дмитриевич, при том, что детской литературы в

последние годы у нас издается много, вас не удручает однообразие имен авторов числом в десять, может быть, в пятнадцать?

— Это нормально. Так оно и бывает. Журналы, альманахи должны давать разных новых авторов, чтобы к ним привыкали, чтобы ими заинтересовались. Или же, как это было со мной, в моей молодости, если стих тянет на детскую книжку, тоненькую. Сейчас, к сожалению, тоненькие книжки забыты, но это вернется — потребность в книжке для тех, кому от двух до пяти, вроде маршаковского «Цирка», его «Зоопарка».

Что касается издателей, я думаю, теперь детская литература не может быть монополизирована, и не сегодня-завтра появятся... Помните историю Чуковского и Маршака о том, как начиналась советская детская литература? Был некий издатель — Клячко. Он собирался издавать книжки на русском языке для русских евреев по еврейской истории. С ним познакомился Чуковский (с вечным его неистребимым любопытством), и в доме Клячко он прочитал какую-то свою сказку. И вызвал такой восторг у Клячко, что тот решил — его издательство станет только детским. Чуковский специально для него писал, позже познакомил с Клячко Маршака, и они вместе перевели сказки Киплинга. Клячко, стало быть, вдохновил таких писателей, поэтов, как Чуковский и Маршак, и таких художников, как Лебедев, Конашевич, Ананков. Вообще это был удивительный издатель, непостижимый. Маршак как-то рассказал, что в присутствии Клячко зашел разговор о Дидро, и Клячко говорит: «А у него были неплохие романчики...» — «Какие романчики? У Дидро?!» — «Что вы, что вы, он очень даже неплохие романчики писал». Клячко даже и литературу-то не очень хорошо знал, но было у него удивительное чутье, хватка, и он полюбил и принял эту странную литературу — для детей. И один этот человек, одно это небольшое издательство сделало, в сущности, нашу детскую поэзию. Может, и теперь появится однажды такой издатель...

УЛЫБКА БЕРЕСТОВА

Песня про Мурку, исполненная автором на всем известный мотив

Чья это фигурка, дымчатая шкурка,
Ждет нас то снаружи, то внутри?
Эта наша Мурка, кошечка-кошурка,
Жметса к двери, просит — отвори!

(Автор: тут, заметьте, я восстанавливаю старинное слово кошечка-«кошурка».)

Видишь, в уголке
две блестящих точки
Светятся все ночки напролет?
Мурочке не спится,
ходит, как тигрица,
От мышей квартиру стережет.

Утро засияло — прыг на одеяло,
И поет мяука «Мур-Мур-Мур»,

(автор: без Мура ж нельзя?..)

Целый день играет, то клубки катает,
То грызет у телефона шнур.

(автор: а дальше хулиганство, заключенное в той песне, прежней, повело и меня)

В марте в лунном свете,
как грудные дети,
Плачут, надрываются коты.
Мурка прыг на кресло,
в форточку пролезла,
И исчезла Мурка. Где же ты?

Где ж ты, Мурка, ходишь,
что же не приходишь,
Иль наш дом теперь тебе не мил?
Я ль с тобой не ладил,
я ль тебя не гладил,
Я ль тебя сметаной не кормил?

Чья это фигурка, дымчатая шкурка,
Чьи глаза из подпола глядят?
Там сидела Мурка,
кошечка-кошурка,
Рядом с ней сидели семь котят.

К о н е ц